

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТ С. М. АБРАМЗОНА

26 июня с. г. состоялось заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, на котором были обсуждены работы старшего научного сотрудника Института С. М. Абрамзона. Обсуждение было организовано в связи с критикой в партийной и научной печати работ Абрамзона по истории и этнографии Киргизии.

С. М. Абрамзон в своем выступлении подверг критическому анализу ряд своих работ, признал и осудил содержащиеся в них идейно-теоретические ошибки по следующим вопросам: в оценке характера и последствий присоединения Киргизии к России, в рассмотрении отдельных периодов истории Киргизии и уровня развития киргизского общества, в анализе и оценке некоторых видов киргизского фольклора, в характеристике современной культуры киргизского народа.

Наиболее важными и имеющими принципиальное значение С. М. Абрамзон считает ошибки по вопросу о присоединении Киргизии к России, с неправильных позиций освещенному им в его работе «Очерк культуры киргизского народа» (Фрунзе, 1946). «Я,— сказал С. М. Абрамзон,— исходил из одностороннего толкования факта присоединения Киргизии к России, как результата только насильственного завоевания царизмом населенных киргизами территорий. В моей книге это событие изображено таким образом, будто бы киргизская знать, подкупаемая царским правительством с помощью подарков, помогала ему завоевать Киргизию, а народные массы с оружием в руках выступали против этого „завоевания“. На деле происходило совсем не так. Подавляющее большинство северокиргизских племен в условиях сложившейся тогда для них международной обстановки добровольно вступило в русское подданство. Это была единственная возможность освобождения киргизского народа от тяжелого гнета кокандских ханов и маньчжуро-китайской армии и прекращения разорительных феодально-племенных войн». Касаясь последствий присоединения Киргизии к России, С. М. Абрамзон, по его признанию, хотя и отмечал прогрессивное значение включения киргизов в состав Российской империи («Очерк...», стр. 25), но дал неполную и неточную характеристику этого поворотного в истории киргизского народа события, не подчеркнул того важнейшего момента, что благодаря этому патриархально-феодалная Киргизия была вовлечена в орбиту политического, экономического и культурного развития России, избежала порабощения со стороны соседних отсталых феодальных государств и превращения в колонию английского империализма, стремившегося захватить среднеазиатские страны. С. М. Абрамзон ставит себе в вину и то, что он не показал, как в результате присоединения к России киргизский народ оказался под благотворным влиянием прогрессивных идей передовой части русского общества,— Киргизия вошла в состав страны, где назревали революционные битвы, где в авангарде борьбы с царизмом, против гнета и эксплуатации встал русский пролетариат, возглавляемый партией Ленина — Сталина. «Обойдя все эти вопросы,— сказал С. М. Абрамзон,— я допустил серьезную ошибку». Неудовлетворительно охарактеризованы им и взаимоотношения киргизского и русского народов в XIX в. Исходя из ошибочной посылки о насильственном завоевании Киргизии, он и эти взаимоотношения рассматривал односторонне, уделяя большее внимание теневым сторонам. Стремясь подчеркнуть реакционный характер колониальной политики царизма, он обходил благотворное влияние русского народа на развитие культуры киргизов. Все это приводило к неверному представлению о роли русского народа в истории Киргизии, что было осознано автором, по его признанию, уже позднее, после изучения указаний центральной партийной печати.

Ошибочные оценки и неудачные формулировки были допущены им и в освещении некоторых этапов истории киргизского народа. Ряд важных моментов он рассматривал только в плане борьбы киргизских племен с иноземными завоевателями за свою свободу и независимость. Существенными недостатками, сказал С. М. Абрамзон, страдают данные им в отдельных работах противоречивые оценки общественных отношений у киргизов, которые он определял то как уже сложившиеся, то как еще окончательно не сложившиеся, то как складывающиеся феодальные отношения. Роль патриархально-родовых отношений и их пережитков излишне подчеркивалась. Имелись некоторые элементы идеализации феодального прошлого. Все это, по заявлению С. М. Абрамзона, объективно дает повод утверждать, что он стал на позиции киргизской национальной ограниченности.

Существенные ошибки, по его признанию, допущены им в оценке эпоса «Манас». Как и многие другие исследователи, он воспринимал этот эпос некритически, считая, что его основное содержание — народного происхождения. Отмечая в работе, написанной в 1939 г., что буржуазные националисты внедряли в сознание сказителей националистические, пантюркистские идеи, он не сделал отсюда должных выводов, проглядел, что наиболее распространенные редакции эпоса оказались проникнутыми панисламизмом. «Руководствуясь порочной теорией «единого потока»,— заявил С. М. Абрамзон,— я не попытался глубоко проникнуть в идейное содержание эпоса «Манас», поэтому и не смог увидеть того значительного слоя в эпосе, который был прямым результатом влияния реакционной феодальной верхушки киргизского общества, стремившейся приспособить «Манас» к своей идеологии. В тех случаях, когда мне приходилось давать общую оценку эпоса, я стоял на неправильных позициях его огульного и чрезмерного восхваления... При исследовании этнографических сюжетов в эпосе «Манас» я отдал

дань компаративизму, толкуя некоторые из этих сюжетов в духе теории заимствования, пропагандировавшей Веселовским...».

Серьезной своей ошибкой С. М. Абрамзон считает ряд положений, содержащихся в ответе Л. Климовичу на его рецензию о книге «Великий поход», напечатанную в журнале «Советская книга» (см. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 168—173). Л. Климович, сказал С. М. Абрамзон, был прав, поднимая вопрос о необходимости критического отношения к эпосу «Манас» и в особенности к текстам, положенным в основу перевода варианта «Великий поход». С. М. Абрамзон, по его признанию, ошибался, когда преуменьшал значение переработки эпоса в панисламистском духе.

Несвободна от ошибок и промахов, по признанию С. М. Абрамзона, и трактовка им вопросов современной культуры и быта киргизов. Как на серьезные упущения, он указал на недостаточный показ в его работах руководящей роли партии в деле развития социалистической по содержанию, национальной по форме культуры киргизов и на недостаточное выявление вражеских действий буржуазных националистов.

Останавливаясь на причинах, породивших упомянутые ошибки, С. М. Абрамзон отнес их главным образом за счет некритического отношения к оценкам и выводам специалистов-историков, чаще всего исходившим из концепций школы Покровского. То же, по его мнению, относится и к его работам по «Манасу». «В основе моих идейно-теоретических ошибок,— сказал С. М. Абрамзон,— лежит некритическое использование источников, а отсюда и объективистское отношение к освещаемым вопросам, граничащее в отдельных случаях с национальной ограниченностью. Первоосновой создавшегося положения было недостаточное овладение марксистско-ленинской теорией. После решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, после философской дискуссии и ряда выступлений центральной партийной печати, я не на словах, а на деле стремился честно исправить допущенные ранее ошибки, полностью принимая и учитывая все то правильное, принципиальное и здоровое, что я находил в критике по своему адресу. Я надеюсь и в дальнейшем настойчиво работать над преодолением своих прежних ошибок, не допускать их повторения в своих трудах».

Выступивший на заседании Н. А. Кисляков отметил, что С. М. Абрамзон правильно и самокритично подошел к вопросу об ошибках, допущенных им в книге «Очерк культуры киргизского народа», справедливо подвергшейся критике. Основной из этих ошибок является неверная трактовка вопросов о присоединении Киргизии к России и о значении для киргизов русской культуры. Некритически рассматривались С. М. Абрамзоном и все восстания в Средней Азии, которые он оценивал как прогрессивные. Между тем, например, андижанское восстание 1898 г. было не только реакционным, организованным мусульманским духовенством, но, как теперь стало известно, было инспирировано нашими врагами из-за границы. Однако этими ошибками грешили не только Абрамзон, но и специалисты-историки, которым в первую очередь надлежало эти вопросы разрешать. Что касается трактовки эпоса «Манас», то С. М. Абрамзон, уделив основное внимание этнографическим сюжетам, некритически принял распространенные в прошлые годы оценки, не попытался проанализировать этот эпос, отделить в нем струю демократическую от феодальной, встав таким образом на позиции теории «единого потока». Л. Климович в своей рецензии прав в том отношении, что С. М. Абрамзон переоценил значение «Манаса» как народного эпоса. Но нельзя согласиться с Л. Климовичем, когда он предлагает, очищая эпос от чуждых народу наслоений, искусственно переработать его.

В. И. Чичеров остановился на вопросе о причинах, вызвавших, по признанию С. М. Абрамзона, его ошибки. Действительно, этнографы и фольклористы нередко обращаются за материалами в те области, в которых они не являются специалистами, некритически перенося в свои исследования выводы и положения специальных работ. Такое перенесение не может быть оправдано, и связано оно, как справедливо признал С. М. Абрамзон, с недостаточным овладением марксизмом-ленинизмом. С. М. Абрамзон не учел постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и вопросам истории, и отсюда идут, в частности, его ошибки в оценке эпоса «Манас». Рассматривая этот эпос в плане «единого потока», С. М. Абрамзон в полемике с Л. Климовичем воинственно отстаивал свои позиции. Его ответную рецензию следует рассматривать как принципиальное высказывание, трактующее не частности, а основной методологический вопрос: является ли «Манас» народным эпосом, или же тот вариант «Великого похода», который издан на русском языке, не является народным. Л. Климович доказывал именно это положение, С. М. Абрамзон же исключал возможность того, что в «Манасе» сказалося влияние феодальной, байской идеологии. Здесь ставился важнейший вопрос — о двух культурах в каждой национальной культуре, и С. М. Абрамзон в этом вопросе встал на неправильные позиции. Надо признать, что в его работах по «Манасу» чувствуются традиции позитивистской буржуазной науки — отсюда и объективизм, и недостаточное внимание к социальным явлениям, и т. д. Поэтому в его оценке «Манаса» мы имеем дело не с частными ошибками, а с системой ошибок.

С. М. Абрамзон подошел прямо к признанию того, что им был допущен ряд важнейших теоретических ошибок, которые привели его к объективизму, к теории «единого потока» и другим серьезным заблуждениям. Однако до конца он это признание не довел.

Что же касается собственно «Манаса», то в проведенной в Киргизии дискуссии 1952 г. ему была дана совершенно четкая и справедливая оценка: истоки «Манаса» —

народные, но эпос этот широко использовался феодальной верхушкой, которая перерабатывала и в ряде случаев искажала его и пропагандировала в массах в своей редакции. Отсюда — засорение эпоса чуждыми народному мировоззрению положениями, чуждыми народной идеологии эпизодами. Перед советскими фольклористами стоит задача изучить эпос «Манас», определить его народные основы, отделив от них все ложное, наносное, что имеется в отдельных песнях, и, очистив, дать в подлиннике и в переводе действительно народные эпизоды, народную трактовку этого эпоса. Подобная же работа должна быть проведена и над эпосами других народов, ибо далеко не все, что поется народом, народное по своему существу.

Т. А. Жданко отметила, что С. М. Абрамзон довольно обстоятельно изложил сделанные им ошибки, но ее не удовлетворила последняя часть его выступления, где он заявляет, что критика его работ относится главным образом не к этнографическим исследованиям, а к тем разделам, в которых он пошел по линии некритического восприятия положений историков. Но ведь этнограф — такой же историк, и за ту часть своих исследований, где трактуются проблемы, связанные с вопросами истории, он отвечает как историк. К тому же критика работ С. М. Абрамзона вовсе не ограничивается вопросами истории. В своем выступлении он не остановился подробно на том, за что его обвиняют в буржуазном национализме. Это круг вопросов, теснейшим образом связанных с этнографией, — трактовка значения рода в социальном строе киргизов, роли русского народа в их культурной жизни, оценка эпоса «Манас» и т. д. По этой линии шли обвинения критиков, указывавших, что С. М. Абрамзон помогает буржуазным националистам защищать их концепции. Хотя критика работ Абрамзона началась уже давно, но коллектив Института своевременно не уделил этому достаточного внимания, работы его до сих пор не были обсуждены, что необходимо признать серьезным упущением. Однако Институт все же оказывал некоторое влияние на научное творчество С. М. Абрамзона. Так, например, еще в 1948 г. Институт обратил его внимание на то, что он чрезмерно занимается вопросами прошлого, рекомендовал ему обратиться к изучению современной культуры.

Сегодняшнее заседание, сказала Т. А. Жданко, имеет более широкое значение, чем обсуждение ошибок нашего сотрудника. Изучение истории народов Средней Азии вступило на новый этап. За последние годы написан ряд обобщающих трудов по истории Казахской, Узбекской, Таджикской ССР. В настоящее время идет критический пересмотр этих работ с целью устранения допущенных в них ошибок. Ошибки эти — по тем же вопросам, о которых шла речь сегодня: о значении присоединения к России узбекского народа, о влиянии русской культуры на народные массы Узбекистана, о необходимости более глубокого изучения социального строя, об оценке исторического эпоса и т. д. Коллективу Института этнографии необходимо уделить серьезное внимание этой критической работе, обсуждению этих крупнейших проблем истории и исторического эпоса народов Средней Азии, как и других народов Советского Союза.

П. И. Кушнер указал на три основные, серьезнейшие ошибки в работах С. М. Абрамзона. Первая из них — в вопросе о присоединении Киргизии к России, который он осветил так, как будто мананы были за присоединение, а трудовые массы киргизского народа — против. Эта ошибка проистекала из того, что Абрамзон, преувеличивая силу родовых отношений в киргизском обществе XIX в. и преуменьшая роль отношений феодальных, не уяснив себе природы манапства, изображал манапов поборниками присоединения к России. Хотя обвинять самого С. М. Абрамзона в киргизском национализме нелепо, но своей неверной трактовкой всех этих вопросов он поддерживал тенденцию буржуазных националистов вместо того, чтобы вести решительную борьбу с ними. Серьезнейшую ошибку допустил С. М. Абрамзон и в оценке «Манаса», безоговорочно изображавшего им как героический эпос. Между тем тот вариант, который дан в русском переводе («Великий поход»), представляет собой типичную раннефеодальную поэзию, основными сюжетами которой являются борьба феодальных группировок и организуемый феодалами грабеж собственного народа и иноземцев. Наряду с этим имеется ряд действительно народных вариантов, о которых надо говорить особо. Основой ошибок Абрамзона является недостаточное овладение марксистской методологией, иначе он разобрался бы в классовых отношениях и не использовал бы фактический материал так, как он это сделал. Хорошо, что С. М. Абрамзон признал свои ошибки и, повидимому, не только под воздействием критики, но и потому, что сам в них разобрался.

Нынешнее обсуждение имеет очень большое значение для всего Института этнографии, продолжал П. И. Кушнер. Мы наблюдаем сейчас целую цепь ошибок в одном и том же направлении — о Шамиле в Дагестане, о контрреволюционном восстании в Туркмении в годы гражданской войны, неправильную оценку «Манаса» и истории присоединения Киргизии к России; те же вопросы поднимаются на Северном Кавказе, в Узбекистане и т. д. Это показывает, что наши исследователи беспечно относились к борьбе с националистическими тенденциями, которым мы обязаны были давать решительный отпор по всем вопросам.

И. И. Потехин отметил, что С. М. Абрамзон честно и откровенно признал свои заблуждения. Однако он не довел до конца оценку своих ошибок. Тщательно перечисляя всё существенное и несущественное, все неправильные и неточные формулировки, он утопил серьезнейшие ошибки, которые действительно льют воду на мельницу буржуазных националистов, в море случайных оговорок, неточных формулировок. Под-

робно останавливаясь на объективных причинах, приведших его к ошибкам, С. М. Абрамзон не дает этим последним четкой политической оценки, признавая лишь, что они приводили его на позиции «национальной ограниченности». Между тем С. М. Абрамзон должен был прямо сказать, что его ошибки использовались буржуазными националистами, помогали их стремлениям укрепить свои реакционные позиции.

Значение нынешнего обсуждения, сказал далее И. И. Потехин, — шире, чем оценка ошибок С. М. Абрамзона, и коллектив Института этнографии должен извлечь из него соответствующие уроки. Серьезные теоретические ошибки, допущенные С. М. Абрамзоном, вскрыты не самим Институтом, а вне его, в Институте же их своевременно не заметили, либо проходили мимо них. Это случилось в значительной мере потому, что научный коллектив Института недооценил опасность рецидивов буржуазного национализма, проявив в этом отношении благодушие и беспечность. Между тем этнография была и остается полем битвы двух идеологий: пролетарского интернационализма и буржуазного национализма. Ошибки советских этнографов широко использовались и используются нашими противниками. Так случилось и с работами С. М. Абрамзона. К сожалению, не все выступавшие дали правильную оценку его ошибок; Н. А. Кисляков, например, пытался найти им объективные причины. И. И. Потехин указал дальше на то, что в Институте не ставят на обсуждение выпускаемые им работы, не реагируют своевременно на их критику. Это является серьезным недостатком в работе Института, ибо своевременное обсуждение этих изданий с позиций большевистской принципиальности должно явиться серьезнейшим оружием в деле повышения деловой и политической квалификации научных работников.

Ученым советом Института этнографии принята резолюция, признающая справедливой критику работ С. М. Абрамзона, опубликованную за последнее время на страницах партийной и научной печати и отмечавшую содержащиеся в этих работах ошибки в освещении вопросов истории присоединения Киргизии к Русскому государству, в оценке киргизского эпоса «Манас», неточности в характеристике социального строя киргизов до Великой Октябрьской социалистической революции.

Ученый совет предложил С. М. Абрамзону выступить как в киргизской, так и в центральной печати с самокритическими статьями, а сектору Средней Азии — организовать обсуждение этих статей.

О. Корбе

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

В Государственном музее этнографии народов СССР открылась новая экспозиция «Народы Севера — ненцы и эвенки», подготовленная отделом Сибири и Дальнего Востока.

Вводный материал занимает три щита и витрину. В центре щита № 1 помещена карта, на которой обозначены зоны тундры и тайги. Текст под картой дает понятие о географическом положении Сибири, ее границах, размере, климате, растительности, животном мире, богатстве недр. На трех крупных photographиях показаны тундра летом, лесотундра и тайга зимой.

Заполняющие витрину № 2 археологические экспонаты, добытые при раскопках в Салехарде и Прибайкалье, свидетельствуют о том, что история народов Сибири уходит в глубокую древность.

Вводная часть экспозиции знакомит также с историей открытия, изучения и освоения Сибири отважными русскими землепроходцами и полярными мореходами, которые меньше чем за 60 лет прошли всю Сибирь от Урала до берегов Тихого океана. На схематической карте указаны пути следования на восток Сибири русских землепроходцев, совершивших географические открытия мирового значения. Скульптура (эскиз) М. М. Антокольского «Ермак» показывает зачинателя освоения Сибири.

На щите № 3 дан первый дошедший до нас чертеж Сибири 1667 г., выполненный в Тобольске на основании чертежей, доставленных землепроходцами.

Щит № 4 возглавляет цитата из Ленина о некапиталистическом пути развития остальных народностей. На щите помещена схема расселения народов Севера на территории Советского Союза.

Далее следуют основные разделы экспозиции, посвященные коренному населению двух северных национальных округов — Ненецкого и Эвенкийского.

Раздел экспозиции, посвященный ненцам (щиты № 5—23), начинается с карты расселения кочевой в прошлом народности самоедов, или ненцев, в зимний период в конце XIX — начале XX в. (щит № 5). Карта сопровождается исторической справкой. Ненцы населяют тундровую полосу вдоль побережья Ледовитого океана от Белого моря до низовьев Енисея. В Ненецком национальном округе живет примерно третья часть ненцев, остальные расселены в Ямало-Ненецком и Таймырском национальных округах.

Щит № 8 посвящен показу оленеводства — главной отрасли хозяйства ненцев. Здесь же экспонированы данные о классовом неравенстве ненцев в прошлом.